

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470)“16/18”

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.100-113

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БРОДЯЖНИЧЕСТВО» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

К.В. Лукоянов, Д.М. Усманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции понятия «бродяжничество» в российском законодательстве во второй половине XVII – первой половине XIX в. На основе анализа комплекса законодательных актов, характеризующих бродяг как особую социальную категорию, описаны этапы, а также выявлены и систематизированы причины трансформации понятия «бродяжничество» в государственном дискурсе Российской империи анализируемого периода. В ходе исследования показано качественное изменение восприятия и осознания бродяжничества как многомерного явления на протяжении второй половины XVII – первой половины XIX в. В соответствии с концепцией исследования эволюция понятия «бродяжничество» проходила в три этапа: первый (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в.) связан с отсутствием юридического статуса данного понятия; на втором этапе (вторая четверть XVIII – конец XVIII в.) наблюдается постепенное внедрение понятия в официальное правовое пространство; третий этап (первая половина XIX в.) характеризуется криминализацией изучаемого понятия в рамках уголовного законодательства. Индикаторами обозначенного процесса являлись формирование паспортной системы; дискурс о статусе беглого населения; фиксация такой группы населения, как «не помнящие родства»; пресечение нищенства. Сформулированные выводы обуславливают научную новизну работы в историографическом срезе, так как до сих пор вопрос о трансформации понятия «бродяжничество» почти не ставился исследователями.

Ключевые слова: беглые, беспаспортные, бродяга, бродяжничество, законодательство, нищие, праздношатающиеся

В исторической науке практически отсутствует последовательная историографическая традиция изучения бродяжничества как самостоятельного социального явления. Обращение к проблеме бродяг в Российской империи, как правило, происходило в контексте исследования смежных феноменов – беглых и нищих. Бродяжничество в качестве основного предмета рассмотрения историков до сих пор оставалось весьма периферийным сюжетом, тогда как его изучение позволяет более подробно сформировать представление о социальной структуре Российского государства в XVIII – первой половине XIX в., обозначить ее особенности. Помимо этого, открываются возможности более детализированного взгляда на

механизмы государственного взаимодействия с подобными слоями населения. Это обуславливает необходимость обращения к законодательному материалу России второй половины XVII – первой половины XIX в.

В основу настоящей работы был положен один из центральных комплексов источников законодательного характера – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Подобный подход не обеспечивает полноту охвата с точки зрения анализа правоприменительной практики, однако мы рассматриваем ПСЗ не просто в качестве сборника «сухих» законов, но прежде всего как отражение динамики жизни общества и государства. Стоит сказать, что законодательная сфера Российского государства на протяжении XVII – первой половины XIX в. зачастую носила прецедентный характер, исходя из различных реалий существующей действительности. Поэтому обозначенный методологический ракурс дает возможность наглядно продемонстрировать хронологическую трансформацию понятия «бродяжничество», обозначающего особое социальное явление.

В середине XVII в. в Российском государстве был составлен свод законов – Соборное Уложение 1649 г. (ПСЗ I. № 1), принятие которого можно считать определенным рубежом в российском законодательстве. Именно Соборное Уложение на протяжении долгого периода, вплоть до 1832 г., когда был создан Свод законов Российской империи, являлось одним из основных и монументальных правовых документов в России.

Несмотря на широкий охват различных сторон общественной жизни Российского государства XVII в., в тексте Уложения понятие «бродяжничество» практически не отражено¹. Однако было бы некорректно отрицать существование бродяжничества как многомерного явления социальной среды Российского государства в середине XVII в. На это указывают сведения из специализированных словарей: «В русском языке слово “бродяга” известно с XVI века» (ИЭС, с. 112). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» также представлены различные контексты употребления в русском языке указанного периода слов *бродяга*, *бродити* (например: «и в Казани будучи, по упросу, бродил я, нищий, к митрополиту Лаврентею для милостыни»; «чтоб мне, холопу твоему, брадя меж двор, голодную смертью не умереть» и т. д.) (СРЯ, с. 335–336). Но здесь следует заметить, что эти слова имели, скорее, обиходное значение.

Дело в том, что на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. отсутствовало прежде всего правовое определение понятия «бродяжничество». Сложившаяся ситуация можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, это связано с отсутствием паспортной системы как инструмента фиксации и прикрепления населения к постоянному месту жительства. В рассматриваемый период еще не была создана система идентификации личности по ее индивидуальным приметам². Соответственно, был низок и уровень возможного государственного контроля за передвижением граждан [1, с. 38–43]. Государство фактически находилось на начальном этапе формирования системы

¹ Лишь в одном случае можно встретить следующее употребление: «А на котораго человека в роспросе и с пытки язык говорит в розбое, или в татьбе, и на очной ставке его познает; а учет на него говорити с очей на очи тоже, а тот будет человек бродящий, а о обыску бити челом не учнет, а скажет, что его нигде не знают: и того человека по язычной молке пытати...» (ПСЗ I. № 1. Гл. XXI. Ст. 38).

² По замечанию антрополога А. Байбурина, в России так же, как и в других европейских государствах, в течение длительного периода времени сохранялось «обезличенное понимание человека» [1, с. 40].

надзора, контроля и учета относительно перемещения населения. Косвенно это можно заметить в некоторых частях Уложения 1649 г. (ПСЗ I. № 1. Гл. XI. Ст. 20).

Во-вторых, еще не назрела необходимость конкретизировать и выделить изучаемую категорию как часть довольно разнообразного российского социума. В фокус государственного контроля во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. прежде всего попадает категория беглых крестьян, которая представлялась центральным властям важным экономическим ресурсом (ПСЗ I. № 1495, 1980, 3939). Численность данной категории на протяжении длительного периода постепенно увеличивалась [2, с. 336–337, 351; 3, с. 21]. При этом главным фактором, вызывавшим «интерес» властей, являлось не бродяжничество как таковое, а непосредственно побег от выполнения повинностей. Наиболее распространенной причиной, вынуждавшей людей бежать, в конце первой четверти XVIII в. была подушная перепись и уплата подушной подати [4, с. 16].

В-третьих, во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. коммуникация государства с «нуждающимися» социальными слоями происходила в основном по линии призрения нищих, которые уже к началу XVIII в. были юридически более «оформленной» категорией населения³, нежели бродяги, хотя и здесь наблюдались изъяны государственной политики.

Передвижение экономически подавленных групп населения Российского государства во второй половине XVII в. часто сопровождалось «прошением милостыни». Поворот к более рациональному восприятию милостыни, по мнению Н.В. Козловой, происходит также во второй половине XVII в., когда государство на законодательном уровне переходит к разделению нищих на группы – тех, кто в силу определенных обстоятельств действительно нуждался в помощи и призрении, и тех, кто сознательно промышлял в поисках легкой добычи [5, с. 29].

30 ноября 1691 г. был издан указ, направленный на недопущение распространения в Москве гулящих нищих, притворяющихся больными и увечными (ПСЗ I. № 1424). При этом стоит сказать, что в данном установлении акцент был сделан прежде всего не на самом «шатании без цели» как правонарушении, а на его результате – фальшивом нищенстве.

Повторно подобный шаг государства по отношению к нищим можно обнаружить и в «Инструкции, данной Московской Полицеймейстерской Канцелярии» от 10 декабря 1722 г., которая содержит следующее предписание: «Понеже Его Императорское Величество в присутствии Своем в Сенате собственноручным Своим указом повелел, чтобы по миру нищим не ходить, ибо о нищих и увечных указ есть, а здоровых когда поймают, в каторжную работу с наказанием отсылать, потому что в таковых много воров бывает, и чуть не все, и для того смотреть накрепко, дабы по прежним указам бродящих нищих не было: того ради ему Обер-Полицейстеру смотреть накрепко, дабы по прежним и по тому указам бродящих нищих в Москве нигде не было» (ПСЗ I. № 4130. Ст. 30). По мнению законодателя, люди без определенного занятия, свободные от каких-либо дел, – потенциальные правонарушители, не выгодные для государства в экономическом плане, не вписывающиеся в идеальную модель построения системы контроля и охраны порядка. Решение виделось в привлечении их к раз-

³ В законодательных источниках начала XVIII в. термин «нищие» уже довольно часто фиксируется как самостоятельное понятие.

личным ремеслам и работам, «чтоб такие гуляки под именем нищих весьма не шатались и праздны не были» (ПСЗ I. № 4624. Ст. 32).

В результате бродяжничество как особый образ жизни на Руси, вероятно, приобретало все более заметную и негативную коннотацию параллельно с процессом вырождения нищенства в социальный порок.

Помимо этого, во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. существовала категория «гулящие люди», которая при поверхностном рассмотрении может показаться синонимичной термину «бродяги». Как указывает К.В. Петров, гулящие люди – это «категория свободных, ничем не обязанных государству людей, основное занятие которых заключалось в работе по найму» [6, с. 241]. Судя по всему, среди гулящих людей действительно было немало элементов, находящихся в постоянном перемещении [7, с. 11] (ПСЗ I. № 1403). Но полностью синонимизировать данные категории населения было бы некорректно, так как среди гулящих людей были и ведущие оседлый образ жизни.

Все перечисленные выше факторы показывают, что для второй половины XVII – первой четверти XVIII в. понятия «бродяжничество», «бродяга» в историко-юридическом плане выглядят весьма размытыми и не атрибутированными. В рассматриваемый период существовало несколько смежных слоев российского общества («беглые», «бродящие нищие», «гулящие люди»), через которые бродяжничество как явление может «транслироваться» опосредованно.

Следующий значимый этап в эволюции понятий «бродяжничество», «бродяга» приходится на вторую четверть и конец XVIII в. Для данного периода характерно постепенное внедрение слов *бродяжничество*, *бродяга* в официальное понятийно-правовое пространство Российской империи. На наш взгляд, именно во второй четверти XVIII в. началось постепенное оформление понятий «бродяжничество», «бродяга», их отграничение от родственных категорий «беглые», «нищие», «гулящие». Последовательное включение понятий «бродяжничество» и «бродяга» в терминологические структуры законодательных актов второй четверти XVIII в. можно отчасти объяснить, обратившись к историческому контексту.

К началу второй четверти XVIII в., несмотря на дворцовые коллизии, во внутренней политике Российской империи прослеживались тенденции, сформировавшиеся еще в петровскую эпоху. По-прежнему наблюдался низкий уровень общественной безопасности, на достижение которой в определенной степени была нацелена идея Петра I о «полицейском» государстве. Пределы возможностей центральных властей подчас были ограничены протяженностью страны: «Но из-за размеров государства многое оставалось вне пределов досягаемости для власти, и в итоге правителям России не удалось равномерно распространить свой контроль на всей территории» [8, с. 38]. Значительной проблемой для государства оставались беглые крестьяне.

По Сенатскому указу от 16 июля 1729 г. празднующихся и беглых, слоняющихся по улицам Москвы, необходимо было задерживать и отдавать в военную службу, а «негодным велеть приискивать себе таких, которые б их написали в подушный оклад; а ежели никто не примет, оных посылать для поселения в Сибирь, дабы чрез то шатающихся и праздных без дел и без платежа подушных денег никого не было» (ПСЗ I. № 5441). Как видно из текста представленного законодательного акта, речь вновь идет в том числе и о бродяжничестве как явлении, хотя и без упоминания самого понятия.

Кроме того, во второй четверти XVIII в. продолжается процесс формирования паспортной системы. Стоит сказать, что механизм регулярного надзора за передвижением населения активно начинает конструироваться также в петровское время (ПСЗ I. № 3294. Ст. 19; № 3445) [1, с. 44]. При преемниках Петра I был усилен паспортный контроль, при этом рукописные формы документа заменялись на печатные во избежание подлога рукописных бумаг, удостоверяющих личность (ПСЗ I. № 4827) [1, с. 44–45].

Другой проблемой являлось время функционирования информации в документе личности. Паспорт с истекшим сроком действия автоматически переводил владельца документа в разряд беглых (ПСЗ I. № 8563). При этом передвижение внутри государства требовало наличия документов как для светских, так и для духовных лиц, среди которых также наблюдались переходящие субъекты (ПСЗ I. № 8012). Запрет на неконтролируемое передвижение людей духовного звания можно наблюдать в указе Сената от 17 апреля 1732 г. о пресечении бродяг среди священников, из которого следует указание строжайше контролировать, чтобы нигде не было замечено «церковного причта людей бродящих» (ПСЗ I. № 6025). Характерно, что в этом указе зафиксированы слова *бродяга*, *бродящий*.

Тем самым с появлением паспорта расширялась не только сфера его применения, но и сфера наказания за его отсутствие, за подложность, за истекший срок действия. Фактически было положено начало созданию новой категории населения – «беспаспортных лиц», что также является важным звеном в цепи сюжетов, связанных с постепенным включением понятия «бродяжничество» в историко-правовую плоскость Российского государства.

Наиболее значимым аспектом, повлиявшим на инкорпорацию в юридическую сферу понятий «бродяжничество», «бродяга» во второй четверти XVIII в., как нам представляется, все же являются попытки пресечения нищенства на территории Российской империи. Как было сказано ранее, еще в период правления Петра I отношение к нищим стало резко негативным, а борьба с просящими милостыню сделалось делом государственным. В идеологическом плане обозначенная категория российского социума рассматривалась в качестве болезнетворного организма, нарушающего общую регулярную структуру, где каждый трудится на благо Отечества [5, с. 38–39; 9, с. 368–369].

Переходя к эпохе Анны Иоанновны, необходимо уточнить, что в 30-е годы XVIII в. в центральных губерниях Российской империи случились масштабные неурожаи, которые, в свою очередь, привели к массовому голоду [5, с. 48]. Наиболее тяжелым был период с 1732 по 1736 г. В исследовании Н.В. Козловой подробно описана ситуация, в которой пребывало население Москвы и прилегающих уездов: Москву захлестнули толпы нищих, бродящих в поисках подаяния и пропитания [5, с. 48–59]. На улицах города лежали трупы тех, кто был вынужден ходить по миру в связи с «хлебным недородом». Как указывает исследователь, «с января по июнь 1734 г. было подобрано умершими на улицах 204 чел.» [5, с. 55].

Подобное положение дел отразилось и в законодательных актах, посвященных государственным мерам пресечения нищенства. Анализ статей Полного собрания законов Российской империи показал, что в период с 1730 по 1738 г. было издано как минимум шесть указов, направленных на искоренение нищих в России. Хотя в основании документов лежала прежде всего борьба с нищенством, особое внимание привлекает частое употребление слов *бродящие*, *бродя-*

ли, *бродят* в отношении тех, о ком идет речь в этих источниках (ПСЗ I. № 5644, 5832, 6136, 6406, 7041, 7621). На наш взгляд, именно через проблему борьбы с нищими во второй четверти XVIII в. в понятийно-правовом пространстве Российской империи постепенно начинает выделяться понятие «бродяжничество», выраженное с помощью лексических единиц *бродящие, бродят* и т. д.

Оформление слова *бродяжничество* в самостоятельное понятие продолжилось в правление Елизаветы Петровны в середине XVIII в. Важным событием здесь стала вторая ревизия, начатая в 1743 г. (ПСЗ I. № 8619, 8836). Данная перепись подушного населения выявила новую категорию лиц – «не помнящие родства» (ПСЗ I. № 9015, 9125, 9131, 9134). Однако в изучаемое время таковых чаще ассоциировали с беглыми, а не с бродягами.

Уже после начала второй ревизии, в 1744 г., в Сенат был подан проект завершённого годом ранее локального сборника законов под названием «Права, по которым судится малороссийский народ»⁴. Проект так и не получил утверждения, но текст источника обладает важным информационным потенциалом. В ходе изучения содержания документа было выявлено четыре случая употребления слова *бродяга* (К., с. 763, 786, 820). В данном случае под *бродягой* подразумевалось лицо без постоянного места жительства, нередко не имеющее паспорта, не занимающееся определенной деятельностью, ведущее довольно разгульный образ жизни либо просящее милостыню.

К концу царствования Елизаветы Петровны бродяжничество как историческое понятие, по всей видимости, уже было довольно устойчивым элементом правовой системы. При этом оно нередко могло выражаться через синонимичные слова *праздношатающиеся, скитающиеся, ходящие* и т. д. Кроме того, к бродягам примыкали близкие по значению социальные группы: беглые, беспаспортные, не помнящие родства, нищие. Следует учитывать, что группы могли находиться в отношениях пересечения. Так, например, не помнящий родства, скорее всего, был беспаспортным, а это, в свою очередь, переводило его в статус беглого.

В правление Екатерины II, с одной стороны, продолжали действовать те же правовые принципы, что и ранее. Так, 12 октября 1765 г. из Синода последовало указание о строжайшем наблюдении за священниками, чтобы среди них не было замечено бродящих людей, а «ежели где таковые бродяги окажутся, то б оные к надлежащему о них рассмотрению отсыланы были в С.Петербургскую и Московскую Духовные Консистории» (ПСЗ I. № 12493). Подобные меры по прекращению скитаний среди церковнослужителей повторно были провозглашены в указе Синода от 20 февраля 1772 г. (ПСЗ I. № 13764). В тексте указа зафиксированы слова *бродяги, бродить*. Повторялись указы и в отношении нищих (ПСЗ I. № 11698, 13767).

С другой стороны, с точки зрения эволюции понятия «бродяжничество» правление Екатерины II представляется особым временем. Хотя в указанный период в законодательных актах вместо привычных «бродящих нищих» и «бродяг» часто встречаются «ходящие» и «праздношатающиеся», являющиеся синонимами для первых, именно в эпоху Екатерины II исследуемое понятие окончательно закрепляется в качестве исторического термина.

⁴ Комиссия для работы над созданием особого Уложения Малороссии была сформирована ещё в 1728 г. [10, с. 319].

Сенатский указ от 29 сентября 1775 г. проистекает из истории самовольного ухода монаха-раскольника, который был задержан в Москве без письменного вида и доставлен для разбирательства в Московскую Консисторию. В указе отмечается, что «Преосвященство об оном раскольническом монахе представлял Святейшему Синоду мнение таковое, чтоб к должному с ним, за его без письменного вида бродяжество и немаловременную в Москве бытность, по законам поступлению» (ПСЗ I. № 14372). Указ впервые фактически вводит в официальное законодательное пространство понятие «бродяжество», соответствовавшее нормам русского языка XVIII в. и являвшееся «предшественником» современного термина «бродяжничество».

В 1783 г. началась работа над «Словарем Академии Российской», который к моменту выхода первой его части, датированной 1789 г., уже содержит слово *бродяга*, давая ему следующее толкование: «Человек, не имеющий ни дома, ни промысла, ни ремесла, шатающийся из места в место» (САР, стлб. 330).

Примечательно, что в следующем 1790 г. выходит в свет знаменитое произведение А.Н. Радищева – «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором можно встретить слово *бродяга* в приведенном выше значении. В конце главы «Городня» А.Н. Радищев приводит историю иноземца-француза, который был отдан в рекруты. Описание его жизни представляет собой цепочку постоянных географических перемещений (Петербург, Любек, Мемель, Рига, Казань, Москва) при отсутствии постоянного занятия (это и работа частным парикмахером у господина, и служба в разных полках, и прошение милостыни, и должность частного провинциального учителя, и последующая затем запись в крестьяне). Вот как пишет об этом А.Н. Радищев: «Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь» (Р., с. 178).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII–XIX вв. бродяжничество как социальное явление начинает полностью обособляться от других сходных феноменов. Начало XIX в. знаменует новый этап в эволюции понятия «бродяжничество» в российском правовом пространстве.

Увеличилась частота употребления слова *бродяжничество* и однокоренных с ним лексем в источниках законодательного характера. Кроме того, если в XVIII столетии «бродящая» часть населения отождествлялась с категорией нищих, то к началу XIX в. на первый план вышла зависимость от паспортной системы.

Майский указ 1804 г., последовавший в качестве ответа из Военной коллегии на сообщение Полтавского губернского правления, под *бродягами* понимает лиц, не имеющих письменных свидетельств (ПСЗ I. № 21326).

В «Высочайшем положении о устройстве евреев», утвержденном 9 декабря 1804 г. в пункте 30 обнаруживается следующее: «Никто из Евреев нигде в России терпим быть не может, если он не будет записан в одном из сих состояний. С Евреями, кои не предъявят в том письменного законом установленного вида, будет поступаемо, как с бродягами, по всей строгости законов» (ПСЗ I. № 21547).

29 июля 1805 г. на имя рижского военного губернатора графа Ф.Ф. Буксгевдена последовал указ о проведении переписи в Лифляндской и Эстляндской губерниях, в котором зафиксированы такие строки: «В пресечение на будущее время неправильной отлучки сих людей и бродяжничества, воспретить Казенным Палатам давать всем приписанным к городам и уездам, как от самих Палат, так и от Казначейств паспорта, если они не представят увольнений от обществ

или от Магистрата» (ПСЗ I. № 21850). В приведенном отрывке прослеживается четкая взаимосвязь между бродяжничеством и отсутствием документов, удостоверяющих личность. При этом стоит отметить, что в это время и сама паспортная система подвергалась реформированию, направленному на усовершенствование процесса контроля и учета беспаспортных, а также публикации в губерниях сообщений о потере паспортов, использовании беглыми фальшивых документов. В указе Сената от 23 октября 1805 г. оговаривалось, что прежние механизмы учета и контроля беспаспортного населения местными губернскими органами при проверке оказываются практически бесполезными, поэтому предполагалось отменить публикации через городские и земские полиции сведений о пропаже документов, удостоверяющих личность, о поиске беглых и беспаспортных лиц – теперь подобная информация должна была доходить до населения только путем обнародования в печатных ведомостях (ПСЗ I. № 21939).

Зависимость между феноменом бродяжничества и паспортной системой в начале XIX в. прослеживается и в указе Сената от 24 сентября 1806 г., по которому беспаспортных бродяг следовало держать под стражей до выяснения их личности (ПСЗ I. № 22285). В Сенатском указе от 29 августа 1807 г. также фактически ставится знак равенства между бродягами и беспаспортными (ПСЗ I. № 22602).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в начале XIX в. оформляется устойчивая ассоциация: бродяга – беспаспортный. Кроме того, регулярный характер употребления слов *бродяжничество*, *бродяга* свидетельствует о полной самостоятельности данных исторических терминов. Подтверждением этого служит именно указ от 20 июля 1809 г., объявленный в циркулярном предписании министра внутренних дел гражданским губернаторам (ПСЗ I. № 23748). Анализируя документ, важно подчеркнуть некоторые особенности в восприятии бродяжничества государственной властью Российской империи в начале XIX в. Как было сказано ранее, на рубеже XVII–XVIII вв. в законодательных актах, посвященных бродящим нищим, основное внимание концентрировалось именно на прошении милостыни, тогда как проблема неконтролируемого перемещения нуждающихся воспринималась как второстепенная. В эпоху Александра I обозначенный акцент несколько смещается, о чем свидетельствует текст упомянутого выше указа: «Помещикам, Волостным Правлениям и другим ведомствам должны при сем подтверждены быть все те узаконения, по коим обязаны они пецись о содержании и призрении людей, пришедших в невозможность кормиться работою и трудом на счет их обществ, и по коим в случае приличения кого-либо из них в бродяжничестве, для прошения милостыни, обязаны ответом сами помещики или их управители, Волостные Правления и градские общества» (ПСЗ I. № 23748). Вероятно, поэтому данный указ упоминает уже не привычных для XVIII в. «бродящих нищих», а использует иную терминологию, а именно «бродяжничество нищих». На первый взгляд, оба варианта выглядят одинаковыми, но при комплексном сопоставлении становится понятно, что эти термины фиксируют различные формы осмысления обозначенных явлений. Еще более убедительным подтверждением приведенного выше тезиса является последняя часть указа, в которой сказано: «Меры, к пресечению бродяжничества и нищенства приемлемые, вы не оставите, согласно Высочайшей о том воле» (ПСЗ I. № 23748). Таким образом, в первой четверти XIX в. бродяжничество как явление выводится в плоскость феномена, равносильного нищенству.

Подобная позиция имперского государства, на наш взгляд, логично подразумевает усиление наказания за бродяжничество как отдельное правонарушение. Однако в историографии вопроса можно встретить весьма спорное утверждение о том, что «в начале XIX века наказание в отношении бродяг претерпело некоторое смягчение» [3, с. 57]. Говоря о послаблениях для бродяг со стороны властей, авторы ссылаются на именной указ от 5 июля 1811 г. (ПСЗ I. № 24707). Перед тем как подвергнуть анализу содержание данного законодательного акта, следует уточнить детали исторического процесса в России в первой четверти XIX в.

«Дней Александровых прекрасное начало» в сфере государственного управления ознаменовалось министерской реформой 1802–1811 гг. Согласно манифесту от 8 сентября 1802 г., было образовано восемь ведомств: иностранных дел, внутренних дел, юстиции, военных дел, морских сил, коммерции, финансов и народного просвещения (ПСЗ I. № 20406). Как отмечает американский историк Д. Орловский, «министерства были чем-то новым скорее по названию, нежели по структуре» [11, с. 31]. Необходимо заметить, что создаваемая система практически сразу стала с функциональной точки зрения нуждаться в более рациональной адаптации к реальной практике, поэтому в 1810 г. начинается новая реорганизация. Указом от 25 июля 1810 г. из структуры Министерства внутренних дел (МВД) было выделено Министерство полиции (ПСЗ I. № 24307). Вскоре, 17 августа 1810 г., увидело свет «Высочайше утвержденное разделение Государственных дел по Министерствам», в котором бродяжничество как отдельный предмет надзора оговаривается и передается из Второй экспедиции МВД в ведение Министерства полиции (ПСЗ I. № 24326). Стоит сказать, что в отдельном манифесте об учреждении Министерства полиции, последовавшем за «Общим учреждением Министерств» от 25 июня 1811 г., сама Вторая экспедиция МВД также полностью вошла в состав Министерства полиции (ПСЗ I. № 24687). Помимо этого, в манифесте перечислены обязанности каждого из полицейских департаментов. Департамент полиции исполнительной подразделялся на три отделения, каждое из которых, в свою очередь, состояло из двух столов. Так, во втором столе Второго отделения полиции исполнительной разбору подлежали дела уголовные: «Сюда принадлежат: устройство тюрем и их стражи. Дела по пересылке колодников. Распределение преступников к работам. Надзор в успешном и бдительном производстве Полицейских следствий по делам уголовным. Надзор за действием Полиции в поимке разного рода преступников. Поимка беглых и беспаспортных. Пресечение бродяжничества» (ПСЗ I. № 24687).

Далее обратимся к вышеупомянутому именному указу от 5 июля 1811 г., последовавшему на имя Новгородского, Тверского и Ярославского генерал-губернатора принца Георгия Гольштейн-Ольденбургского (ПСЗ I. № 24707). В тексте указа говорится о разделении преступлений на три степени, а также перечисляются меры наказания, им соответствующие. За первую степень преступления предполагалась гражданская смерть, за вторую – ссылка в Сибирь, за третью – легкое наказание, отсылка на прежнее место жительства, помещение преступника в смиренный или рабочий дом. Так, согласно указу, «ко второй степени относятся: кража выше ста рублей, неоднократное воровство, пристанодержательство, бродяжество и проч. кои подвергаются к ссылке в Сибирь на поселение, или к отдаче годных в военную службу» (ПСЗ I. № 24707).

Совокупность представленного исторического материала логично подвергает сомнению историографический тезис о том, что «законодатель не признавал бродяг преступниками и не столько карал, сколько старался извлечь из них для государства возможную пользу» [3, с. 57]. Напротив, в первой четверти XIX в. обнаруживаются зачатки правового становления понятия «бродяжничество», формируется поле для его дальнейшей криминализации.

В 1819 г. Министерство полиции было упразднено, а сфера его полномочий вернулась в правовое пространство Министерства внутренних дел. По мнению Д. Орловского, «слияние этих двух министерств вылилось в уникальную концентрацию институциональной власти в едином органе внутривластного управления» [11, с. 57].

Несмотря на это, продолжали появляться предписания из Сената, а также именные указы о сохранении строжайших мер в отношении бродяг (ПСЗ I. № 27424, 28058, 28263, 29328). В череде законоположений выделяется Сенатский указ от 31 июля 1824 г. (ПСЗ I. № 30007), в котором отмечалось, что Саратовская Уголовная Палата запрашивала разъяснение в связи с вопросом о том, как поступать с людьми, которые помимо бродяжничества никаких преступлений не совершили. Решение Сената было таково: бродяг, которые не совершили никакого иного преступления, также следует немедленно отсылать в Сибирь на поселение, из чего следует, что местные органы управления еще не идентифицировали бродяжничество в качестве уголовного преступления, тогда как центральная власть уже считала его таковым.

Решающие изменения в трактовке бродяжничества произошли в правление Николая I. Одной из задач императора, подавившего восстание 14 декабря 1825 г., стало совершенствование правительственной системы [12, с. 366–368]. В 1826 г. при Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было образовано Второе отделение, главной целью которого была системная кодификация накопленного веками законодательного материала. Как отмечает историк В.В. Лапин, «признавая кодификацию безусловно важным государственным делом, следует подчеркнуть, что правовому регулированию, нормотворчеству Николай I придавал такое же гипертрофированное значение, как и Петр I. Оба самодержца считали в принципе возможным составление неких разумных правил, регулирующих жизнь общества и отдельных людей во всех ее проявлениях, и неукоснительное соблюдение этих правил под присмотром специально для того созданных структур» [13, с. 16]. Результатом масштабной кодификационной деятельности под руководством М.М. Сперанского стало создание Полного собрания законов Российской империи, а также составление свода действующего законодательства. Последний был издан в 15 томах и вступил в силу с 1 января 1835 г.

Один из томов этого сборника содержал «Устав о паспортах и беглых», в котором непосредственно определяется понятие «бродяга»: «Беглыми или бродягами считаются: 1) все те, кои, отлучась от мест их жительства, или пребывания далее срока и места, какое законами для временных отлучек определено, не предъявят никаких законных видов на сию отлучку; и 2) те, кои, отлучась и с ведома Начальства, и по законным видам и паспортам, но, потеряв или просрочив оные, не представят в свое время законных доказательств в оправдание» (СЗРИ, с. 84). По заключению Ю.Г. Галай и К.В. Черных, приведенное выше определение было сформулировано с опорой на «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 22 марта 1828 г. [3, с. 60] (ПСЗ II. № 1893).

Завершение формирования юридического характера понятия «бродяжничество» в российском законодательстве первой половины XIX в. ознаменовал выход в свет «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г., в котором было указано, что «бродягами признаются и подвергаются наказаниям... за бродяжество... как жительствующие, так и переходящие или переезжающие из места в место, не только без ведома надлежащих полицейских начальств и без установленных на то видов, но и без всяких средств доказать настоящее свое состояние или звание, или же упорно от сего отказывающиеся» (ПСЗ. II. № 19283. Ст. 1176). Как видно из текста источника, термином «бродяга» обозначались не только беспаспортные лица, но и «не помнящие родства». Также в документе более подробно были прописаны механизмы наказания для различных категорий бродяг (не помнящих родства, малолетних, слепых, глухих, немых, евреев, иностранцев, сельских обывателей, цыган). Таким образом, во второй четверти XIX в. за понятием «бродяжничество» окончательно закрепился официальный статус уголовного преступления.

Итак, проблема идентификации понятия «бродяжничество» как правового термина на протяжении XVIII – первой половины XIX в. во многом связана с постепенным осознанием государством данной группы лиц как социальной категории. В указанный период происходила многоступенчатая эволюция данного понятия в законодательных актах Российского государства.

Можно утверждать, что эпоха Петра I, суть которой выражалась в идее о регулярном государстве, заложившей основы паспортного контроля, стала в определенной степени начальным этапом в процессе последующего выделения бродяжничества в отдельное историческое понятие. Безусловно, подобное обособление было вызвано и социально-экономическими событиями, происходившими в Российской империи, что позволило уже к окончанию второй четверти XVIII в. обнаружить явные признаки оформления понятия «бродяга» в самостоятельную социальную категорию. В течение XVIII в. данное слово нередко замещалось синонимами, поскольку имело довольно размытую семантику (*беглые, беспаспортные, праздношатающиеся, бродящие нищие, гулящие люди*).

Трансформация понятия «бродяга» в правовой термин с отчетливым уголовным статусом происходит в первой половине XIX в. В результате длительной эволюции «бродяжничество» фактически включило в себя отдельные компоненты смежного понятия «беглые», которые входили в него в XVIII столетии: «не помнящие родства», «беспаспортные». Если в XVIII в. их наличие помещало человека в разряд беглых, то теперь было сформулировано новое обобщающее понятие – «бродяга».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

ИЭС – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 624 с.

К. – Кистяковский А.Ф. Права, по которым судится малороссийский народ, высочайшим всепресветлейшия, державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския, ее императорского священнейшего величества повелением, из трех книг, а именно: Статута литовского, Зерцала саксонско-

го и приложенных при том двух прав, также из Книги порядка, по переводе из польского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рождества Христова 1743 года, изданные под редакцией и с приложением исследования о сем Своде и о законах действовавших в Малороссии профессора А.Ф. Кистяковского. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадзкого), 1879. 1065 с.

ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. I: 1649–1675. 1029 с.; Т. III: 1689–1699. 690 с.; Т. IV: 1700–1712. 881 с.; Т. V: 1713–1719. 780 с.; Т. VI: 1720–1722. 815 с.; Т. VII: 1723–1727. 922 с.; Т. VIII: 1728–1732. 1014 с.; Т. IX: 1733–1736. 1022 с.; Т. X: 1737–1739. 995 с.; Т. XI: 1740–1743. 988 с.; Т. XII: 1744–1748. 960 с.; Т. XVI: 28 июня 1762–1764. 1016 с.; Т. XVII: 1765–1766. 1115 с.; Т. XIX: 1770–1774. 1081 с.; Т. XX: 1775–1780. 1034 с.; Т. XXVII: 1802–1803. 1120 с.; Т. XXVIII: 1804–1805. 1326 с.; Т. XXIX: 1806–1807. 1370 с.; Т. XXX: 1808–1809. 1402 с.; Т. XXXI: 1810–1811. 942 с.; Т. XXXV: 1818. 672 с.; Т. XXXVI: 1819. 732 с.; Т. XXXVII: 1820–1821. 981 с.; Т. XXXVIII: 1822–1823. 1352 с.; Т. XXXIX: 1824. 688 с.

ПСЗ II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. С 12 дек. 1825 по 1881 г.: в 55 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1885. Т. III: 1828. 1246 с.; Т. XX. Ч. 1: 1845. 1045 с.

Р. – *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву / Вступ. статья Д. Благого. М.: Сов. Россия, 1983. 240 с.

САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. Часть I. От А до Г. 878 стлб.

СЗРИ – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. XIV: Свод уставов благочиния. Ч. 3. 705 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. М.: Наука, 1975. Вып. 1 (А–Б). 371 с.

Литература

1. *Байбурин А.* Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 486 с.
2. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. 720 с.
3. *Галай Ю.Г. Черных К.В.* Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы. Нижний Новгород: НПА, 2012. 151 с.
4. *Готье Ю.В.* Из истории передвижений населения в XVIII веке. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. 26 с.
5. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. 359 с.
6. *Петров К.В.* Свободное население Московского государства XVI–XVII вв.: «вольные и гулящие люди» // Петербургский историч. журн. 2021. № 1. С. 230–248.
7. *Борисов В.Е.* Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Нов. историч. вестн. 2013. № 3 (37). С. 6–26.
8. *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 609 с.
9. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ, 1-я четверть. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
10. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.
11. *Орловский Д.* Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. СПб.: Acad. Stud. Press / Библиороссика, 2022. 431 с.

12. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. вып. 8: От Петра Великого до смерти Николая I. / [Авториз. пер. С.В. Житомирской]. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
13. Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Книга 1-я. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 344 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Принята к публикации 10.04.2024

Лукоянов Кирилл Валерьевич, магистрант кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: lukoyanov-kirill@mail.ru

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: dusmanova2000@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 100–113

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.100-113

Evolution of the Concept of Vagrancy in Russian Legislation (from the Second Half of the 17th to the First Half of the 19th Centuries)

K.V. Lukoyanov, D.M. Usmanova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

*E-mail: *lukoyanov-kirill@mail.ru, **dusmanova2000@mail.ru*

Received February 10, 2024; Accepted April 10, 2024

Abstract

This article focuses on the evolution of the concept of vagrancy in Russia during the period between the second half of the 17th to the first half of the 19th centuries. A set of legislative acts defining vagrants as a separate social group are analyzed. The stages and causes that underlie the transformation of the concept of vagrancy in the state discourse of the Russian Empire are singled out, systematized, and described. A qualitative shift in the Russian state's perception and understanding of vagrancy as a multifaceted phenomenon is revealed. Based on the results obtained, it is shown that the evolution of vagrancy unfolded in three stages. In the first stage (from the second half of the 17th to the first quarter of the 18th centuries), this concept had no legal status. In the second stage (from the second quarter to the end of the 18th century), vagrancy was gradually introduced into the official legal space of Russia. The third stage (the first half of the 19th century) was marked by the criminalization of this concept in Russian criminal legislation. The key indicators of this process were the introduction of the passport system, the discussions circulating in the Russian public around the status of fugitive people, the recognition of people "who do not remember their kinship" as a social group, and the efforts to curb poverty. The conclusions drawn contribute immensely to the development of historiographic research, as the concept of vagrancy and its formation have escaped the attention of most scholars and remain insufficiently explored.

Keywords: fugitives, passportless people, vagrant, vagrancy, legislation, beggars, loitering people

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Baiburin A. *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet Passport: History – Structure – Practices]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2017. 486 p. (In Russian)
2. Platonov S.F. *Polnyi kurs leksii po russkoi istorii* [A Complete Course of Lectures on Russian History]. Moscow, AST, 2017. 720 p. (In Russian)
3. Galai Yu.G., Chernykh K.V. *Nishchenstvo i brodyazhnichestvo v dorevolutsionnoi Rossii: zakonodatel'nye i prakticheskie problemy* [Poverty and Vagrancy in the Pre-Revolutionary Russia: Legislative and Practical Problems]. Nizhny Novgorod, NPA, 2012. 151 p. (In Russian)
4. Gauthier Yu.V. *Iz istorii peredvizhenii naseleniya v XVIII veke* [From the History of Population Migrations in the 18th Century]. Moscow, Imp. O-vo. Ist. Drevnostei Ross. Mosk. Univ., 1908. 26 p. (In Russian)
5. Kozlova N.V. *Lyudi dryakhlые, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [Frail, Sick, and Poor People in the 18th-Century Moscow]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 359 p. (In Russian)
6. Petrov K.V. Emancipated population of the Muscovite state during the 16th–17th centuries: “Free and roving people”. *Peterburgskii Istoricheskii Zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 230–248. (In Russian)
7. Borisov V.E. Roving people and other social groups in the Trans-Urals exempted from paying tyaglo during the 17th century. *Novyi Istoricheskii Vestnik*, 2013, no. 3 (37), pp. 6–26. (In Russian)
8. Kollmann N.Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2016. 609 p. (In Russian)
9. Anisimov E.V. *Vremya petrovskikh reform, 1-ya chetvert'* [The Time of Peter the Great's Reforms, the First Quarter]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 495 p. (In Russian)
10. Vladimirkii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [An Overview of Russian Legal History]. Moscow, Territ. Budushchego, 2005. 797 p. (In Russian)
11. Orlovskii D. *Predely reform. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi imperii v 1802–1881 godakh* [Limits of Reforms. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1802–1881]. St. Petersburg, Acad. Stud. Press / Bibliorossika, 2022. 431 p. (In Russian)
12. Wortman R.C. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 1. Pt. 8: From Peter the Great to the death of Nicholas I. Zhitomirskaya S.V. (Trans.). Moscow, OGI, 2002. 606 p. (In Russian)
13. *Nikolai Pervyi. Molodye gody. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma* [Nicholas I of Russia. Early Years. Memoirs. Diaries. Letters]. Book 1. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo Fonda, 2008. 344 p. (In Russian)

Для цитирования: Лукьянов К.В., Усманова Д.М. Эволюция понятия «бродяжничество» в российском законодательстве (вторая половина XVII – первая половина XIX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 100–113. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.100-113>.

For citation: Lukoyanov K.V., Usmanova D.M. Evolution of the concept of vagrancy in Russian legislation (from the second half of the 17th to the first half of the 19th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 100–113. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.100-113>. (In Russian)